

Глава 325: Камни с других холмов могут отполировать твой нефрит

Глядя на песню и танец в Ущелье Скрытого Дракона, большинство зрителей оказались сбиты с толку, совершенно не понимая, что происходит.

Но Чжу И сразу узнал это.

Церемонии, музыка, стрельба из лука, возникновение, каллиграфия и математика – все вместе известны как Шесть Искусств Конфуцианства. Музыка состоит из Шести Великих Музыкальных Произведения или же Шесть Великих Танцев, а именно: Юнь Мэнь, Да Сянь, Да Шао, Да Ся, Да Ху и Да У.

Сейчас Цзяо Цзюнь Чэнь показывал Да Шао.

Видя, что Чжу И узнал происхождение его выступления, Цзяо Цзюнь Чэнь обрадовался, «И правда, родственный дух!»

Чжу И, однако, не улыбнулся. Молча наблюдая за песней и танцем, он через мгновение кивнул. «Как говорили древние, “Заслуги достигли апогея, поистине великолепно! Подобно Небесам, нет ничего, чтобы оно не покрывало. Подобно Земле, не ничего, что она не унесет. Достичь вершины – великая заслуга, и к этому нечего больше добавить”. Они были правы, это действительно заслуживает такой оценки.»

«Об этом говорили святые и мудрецы прошлого: “Границы красоты, пределы совершенства”. Они чувствовали, что музыка Да Шао (Шао – изысканный, изящный) полностью отделена от конфликтов и враждебности и, таким образом, соответствует принципу “управлять через церемонии.”» Когда Чжу И произнес это, его тон внезапно изменился. «Но господин, ты используешь это здесь и сейчас для того, чтобы подорвать мой боевой дух, заставить меня уступить без боя. Нацеленный на результат до такой степени, что потерял первоначальный дух и грацию Да Шао, не так ли? Ты так не думаешь?»

У Чжу И снова ярко засияли глаза. «Если это битва, которую ты хочешь, то давай сражаться. Она будет справедливой и неукротимой!»

Пока говорил, Чжу И слегка хлопнул в ладоши. В воздух поднялись два потока, один белый, а другой черный, они образовали щит и боевой топор. Принявшись исполнять танец войны в небе, они излучали грубую красоту мужской силы.

Раздалась симфония величественных и мощных нот. Она обладала неистовым ритмом, который вызывал страсть и пыл у слушателей, однако к завершению, она вызывала чувство мира и дружелюбия, словно воин в конце концов спрятавший свой меч.

Эта песнь, в исполнении Чжу И, являла собой еще одну из Шести Великих Музык – Да У (У-военное ремесло, доблесть).

Когда прозвучала Да У, Да Шао Цзяо Цзюнь Чэня сразу же обратилась в бегство, отступив и рухнув.

Но Цзяо Цзюнь Чэнь не выглядел раздраженным. Взмахнув рукой, он отозвал облачных существ и инструменты, тихо слушая Чжу И, спокойным и уравновешенным.

«Мудрецы говорили, что Да Шао достиг предела красоты и совершенства, в то время как Да У достиг предела красоты, но не совершенства, они очевидно чувствовали, что Да У не

полностью отказался от конфликта.» С окончанием мелодии бесстрастно сказал Чжу И. «Но сегодня мы с тобой собираемся соревноваться и сражаться в любом случае.»

«Мое Да У – по справедливости бесстрашное и непреклонное, намного превосходит твое Да Шао, претенциозное и ложно мирное. Как только в твоём сердце появится желание победить, Шао перестанет быть Шао, как тогда оно сможет одержать победу над У?»

«Действительно. Я многому научился из твоих слов.» Цзяо Цзюнь Чэнь зааплодировал.

Но Чжу И неожиданно выдал еще один твист. «Но даже настоящий Шао не обязательно одолеет У».

«Мудрецы говорили, что Шао прекрасен и совершенен, в то время как считали, что У немного не соответствует, но это только их собственный взгляд и он не представляет абсолютную истину.»

Услышав это, Цзяо Цзюнь Чэнь слегка выгнул брови, «Друг мой, это немного перебор.»

«Перебор? Что это вообще значит? Никто не должен быть ограничен книгами, мудрец тоже смертен. Поскольку он смертен, у него есть пределы – он не может быть всеведущим, естественно, он не может гарантировать, что его слова безусловно верны.» Спокойно ответил Чжу И.

«На самом деле он сам это делал. Даже когда его волосы поседали от старости, он искал совета ребенка о великих истинах и Дао. “Среди множества, найдется тот, кто может быть моим учителем.”»

«Чем больше вы будете обсуждать истины, тем яснее они станут. Даже если сам мудрец жив и стоит передо мной, я буду искать его совета и руководства, а также спорить и рассуждать с ним. Если он неправ, я и его отвергну.» Чжу И отряхнул рукав и небрежно сказал, «Для ученых нашего века истина превыше всего – даже мудрец не в праве вытеснять истину, его слова не всегда являются правдой.»

«Когда Император неправ, он смеет дать ему наставления. Когда мудрец неправ, он смеет отвергнуть его. Таким должен быть настоящий ученый.»

Если бы слова Чжу И дошли до некоторых традиционных ученых, это вполне могло вызвать настоящее землетрясение, его бы даже заклеили язычником.

Но Цзяо Цзюнь Чэнь не был взбешен. Он просто нахмурился и минуту молча смотрел на Чжу И. «Правда превыше всего – хорошо сказано! Когда Император неправ, он осмеливается наставлять его. Когда мудрец неправ, он смеет опровергать его. Это тоже не неверно.»

«Мудрец учил и руководил учениками, он передавал бесчисленные классики – это было именно для обучения масс, а не создания мира узколобых людей. Если бы кто-то смог указать на его ошибку, старый мудрец был бы только счастлив.»

Цзяо Цзюнь Чэнь, глядя на Чжу И, сказал глубоким голосом, «Но то, что ты осмелился не согласиться с мудрецом, не означает, что ты определенно прав, а он определенно нет.»

«В мире множество упрямых, самоуверенных людей.»

Чжу И слегка улыбнулся, «В конечном итоге, кто прав, а кто нет, докажут факты. Это не то,

над чем властны слова, даже если это невозможно доказать сейчас, однажды наступит день, когда найдутся ответы.»

Цзяо Цзюнь Чэнь тоже улыбнулся, «Верно. Тогда давай сначала обсудим кое-что еще.»

Ранее он сидел на траве, но сейчас встал и топнул ногой. Закружились белые облака, они образовали колесницу, которая подхватила его.

Раскатисто захохотав, Цзяо Цзюнь Чэнь бросился на Чжу И.

Чжу И не посмел относиться небрежно к одной из редких атак своего оппонента. Он мог ясно ощущать, что Цзяо Цзюнь Чэнь не был безрассудным, а скорее взволнованным. Его ментальное состояние находилось на пике, он словно был накачан адреналином и просто должен был что-то сделать.

В подобном состоянии Цзяо Цзюнь Чэнь несомненно покажет лучший результат.

В действительности, Цзяо Цзюнь Чэнь на самом деле был сильно возбужден. Частично из-за спора с Чжу И, а частично из-за Да У, которое тот выполнил ранее. Цзяо Цзюнь Чэнь очевидно тоже знал этот отрывок – он сам из каждой из Шести Великих Музык получил по набору заклинаний.

Но действия Чжу И, когда он встретился с его Шао и ответил У, были несколько неожиданными.

Хотя он только видел со стороны, как Цзяо Цзюнь Чэнь использовал два Искусства, Возникновение и Стрельбу из лука, дополнив это ощущением самой Музыки, Чжу И уже смог понять суть этого заклинания.

Как первоначальный автор, Цзяо Цзюнь Чэнь очевидно знал, что У Чжу И действительно отличалось от его собственного У. Подобные, но все же разные, хотя фундаментально, они были одинаковы, оба происходя из Да У Шести Великих Музык.

Помимо демонстрации мастерства заклинаний и его исключительного интеллекта, это также показывало, что сам Чжу И глубоко понимает Шесть Искусств Конфуцианства.

Это открытие еще больше разволновало Цзяо Цзюнь Чэня.

«Нет первого в эрудиции, и нет второго в боевых искусствах.» Иногда конкурсы между учеными были еще более напряженными.

Цзяо Цзюнь Чэнь показал Стрельбу из лука и Возникновение, он словно находился на неторопливой охоте, направляя на Чжу И волны атак.

В это время Чжу И не подражал его заклинаниям, а активировал свои.

Он придавал совету Линь Фэна большую важность и не заикливался на деталях заклинаний, а вместо этого тщательно обдумывал истины и концепции в заклинаниях и мантрах Цзяо Цзюнь Чэня.

От первого их столкновения в песне и танце зрители снаружи оказались озадачены и даже дезориентированы этими событиями. На этот раз, без объяснения и комментариев Чжу И, многие не могли понять тонкости и скрытые смыслы.

Более продвинутые культиваторы, по крайней мере, могли получить грубое представление о колебаниях маны и реакциях заклинаний. Однако, те кто обладал низким уровнем, были полностью сбиты с толку.

Ши Шао Цянь родом из Императорской семьи Великой империи Цинь; хотя он принадлежал к военному отделению, но он получил необходимое образование. Просто он с юных лет сосредоточился на культивации и без особого энтузиазма относился к церемониям и культуре.

Теперь, наблюдая за битвой Цзяо Цзюнь Чэня и Чжу И, он чувствовал, словно смотрит через мутное стекло. Он мог различить больше, чем другие практики стадии Возведения Основания, но только крошечную часть всей картины.

«Сестра, у Г-на Цзяо нет преимущества?» Он увидел, как нахмурилась Ши Син Юнь, и не мог не спросить.

Ши Син Юнь слегка покачала головой, «Нет, сейчас Цзяо Цзюнь Чэнь одерживает верх, захватив инициативу.»

«Тогда почему ты выглядишь так обеспокоенно?»

«Чжу И более сложный и более выдающийся, чем думали я, Цзяо Цзюнь Чэнь, или кто-либо еще.» Вздохнула Ши Син Юнь.

Она подняла голову и посмотрела на свет и тени, отражаемые Ущельем Скрытого Дракона, «Он зашел так далеко в изучении мантр и заклинаний Цзяо Цзюнь Чэня, прямо сражаясь с ним в битве, и самое главное то, что он действительно чему-то научился. Это очень удивляет.»

«Сейчас он в невыгодном положении не потому, что он слабее, чем Цзяо Цзюнь Чэня, а потому, что он разделяет свое внимание – он также делает еще что-то другое.»

Ши Шао Цянь был поражен, «Он хочет узнать секреты Мантр Древнего Конфуцианства?»

«Он не хочет просто воровать. Судя по его поведению, он только хочет использовать их в качестве ориентира – камни с других холмов могут отполировать твой нефрит.» Взволнованный взгляд мелькнул на глазах Ши Син Юнь. «Именно это пугает больше всего.»

Чжугэ Гуан также общался голосом со Святым Живой Радости, «Этот Чжу И уже накопил прочную основу. Теперь он изучает заклинания и мантры Цзяо Цзюнь Чэня, будто завершает последний шаг метаморфозы, разбивая куколку и превращаясь в бабочку. Он использует знания из мантр Цзяо Цзюнь Чэня для последнего рывка!»

Святой Живой Радости кивнул, выглядя серьезным. Тем не менее, он уже не смотрел на Ущелье Скрытого Дракона, а в другую сторону – на Линь Фэна.

Тот выглядел абсолютно сдержанным и бесстрастным. Наблюдая за происходящим боем, в уголке его рта появилась легкая довольная улыбка.

«Все, что сейчас происходит, было предсказано мастером Небесной Секты Чудес. Возможно это даже было им запланировано.» Святой Живой Радости покачал головой, с улыбкой полной горечи. «Эта Небесная Секта Чудес... откуда именно они взялись? С тех пор ни разу не было момента, чтобы они не удивляли.»

В Ущелье Скрытого Дракона Цзяо Цзюнь Чэнь тоже что-то почувствовал, «Хотя я рад помочь

другим добиться успеха, но я не хочу становиться чей-то ступенькой.» Он улыбнулся.

Пока говорил, Цзяо Цзюнь Чэнь усилил свои атаки, до такой степени, что у Чжу И, который уже находился в невыгодном положении, начали появляться проблемы с обороной.

«Хм?» У Чжу И в голове что-то щелкнуло. Он внезапно понял, что ему становится все труднее нейтрализовать атаки Цзяо Цзюнь Чэня.

Тот словно мог заглянуть ему в разум, Цзяо Цзюнь Чэнь мог заранее подготовиться к его движениям и даже установить ловушки.

Сосредоточившись, Чжу И заметил, что Цзяо Цзюнь Чэнь что-то проговаривает, а его глаза мерцали, будто он что-то вычислял.

«Ох, так это Математика?» До Чжу И внезапно дошло. Последним из Шести Искусств Конфуцианства была Математика – Искусство арифметики, чисел и теории. Однако, заклинание, которое Цзяо Цзюнь Чэнь вывел из нее, было техникой, которая могла непрерывно вычислять движения противника.

<http://tl.rulate.ru/book/12262/622613>